



Г ИППОКРАТ И АРИСТОТЕЛЬ (К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПЕРВЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ)

Ирина Алексеевна Герасимова — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.
E-mail: homegera@gmail.com

Личностные компоненты познания (целительство) и рациональные методологии (медицина) неразрывно взаимосвязаны во врачевании периода античности. Делается вывод о существовании высокой логической культуры среди врачей-натурфилософов, в своей практической работе опиравшихся на методы естественной классификации, принципы медицинской семиотики, эмпирические индуктивные обобщения. Разное понимание сути и ценности правдоподобных рассуждений у Гиппократ и Аристотеля обусловлено особенностями дискурсов. Если Аристотель ориентировался на общественно-диалектический дискурс, то во врачебной среде ценилась безошибочность диагностики и воздействия, что достигалось соединением мастерства и рассуждения. Рациональная врачебная традиция в античности имела методологию, но не дошла до логической рефлексии. Учение о необходимой связи логического признака и объекта вывода было развито в буддийской логике, которую можно рассматривать как рациональную составляющую образования в тибетской медицине.

Ключевые слова: целительство, медицина, Гиппократ, Аристотель, правдоподобные умозаключения, естественная классификация, умозаключения от признака, тибетская медицина, буддийская логика.

Н HIPPOCRATES AND ARISTOTLE (ON THE FORMATION OF THE FIRST LOGICAL PROGRAMS)

Irina Gerasimova — PhD in philosophy, chief research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

The author argues that an analysis of the texts of the Collection of Hippocrates leads to the conclusion that long before the methodological genius of Aristotle there existed a highly analytical culture among medical professionals. The differences in understanding of the value and objectives of a valid inference in Hippocrates and Aristotle are explained in terms of the characteristics of the discourse that each of them used. Aristotle is argued to have been using a social-dialectical discourse, whereas, in medical practice, a combination of skills and reasoning had the highest value because what was expected from a doctor was the right diagnosis and the right treatment. The author argues that rational medical tradition of antiquity did not reach the logical reflection. According to her, the doctrine of the necessary connection between the logical attribute and the object of inferences had been developed in the Buddhist logic, which, as the author argues, can be considered a rational component of education in Tibetan medicine.

Key words: antique medicine, Hippocrates, Aristotle, plausible reasoning, semiotics, natural classification, reasoning from sign, Buddhist logic.





Изучение античной медицины как практики предостерегает от поспешных выводов об умозрительном характере древнегреческой натурфилософии. В эллинистический период проходили активные дискуссии эмпириков, рационалистов и методистов относительно особенностей медицинского знания, в ходе которых шло становление профессиональной медицины и ее рациональной методологии [Афонасин, 2015; Гален, 2015]. В связи с развитием современных исследований в области биоэтики особый интерес вызывают практически-этические и религиозно-этические установки античных медицинских практик [Верлинский, 1987; Солопова, 2012]. В то же время некоторые ключевые позиции проходят мимо внимания исследователей, главным образом, по причине презентизма — рассмотрения античной культуры сквозь призму фильтров естественно-научной, технологичной медицины¹, как результат ускользают тонкие нюансы древнего врачевания. Основная проблема данной работы — становление рациональной методологии и логических программ в древнем мире, обсуждается при предпосылке единства личностного (магического, целительского, сокровенного) и универсального (рационального, естественно-научного) начал познания и древних практик в целом и в медицине в частности.

Специфические задачи теоретического и опытного познания обусловили возникновение разных логических программ. Аристотель, говоря об умозрительности наук о природе, понимал под умозрительностью теоретическое мышление, опирающееся на логические процедуры: «Не должно оставаться незамеченным, каковы суть вещи и ее определение, ибо исследовать без них — это все равно что не делать ничего» (Метафизика, Кн. 6. Гл. 1. 1023 b 25). Еще платоновский Сократ учил, что без построения языка с помощью определений никакая наука невозможна [Rickless]. Если логическая программа Аристотеля фокусировалась на возможностях конструирования теоретических схем с помощью языка, то в практических занятиях было востребовано скорее понимание языка самой природы. Понятие «природа» в контексте античной философии формировалось в произведениях философов-врачей, означая сущность, начала и причины существующего. Этот смысловой оттенок сохраняется и в понимании Аристотеля. В данной работе я попытаюсь проанализировать взаимоотношения античной логики и античной медицины, сравнивая тексты «отца логики» Аристотеля и «отца медицины» Гиппократ. Сосуществование в современной культуре альтернативных направлений врачевания — естественно-научной медицины и традиционной медицины (индийской, китайской, тибетской) позволяет использовать методы компаративистики в целях восполнения представлений об античной

¹ Например, в учебном пособии, рекомендованном для медицинских вузов [Мирский, 2010].



медицине². Еще одна предпосылка легла в основу методологии статьи: древний мир был более глобален, чем это представлялось ранее, древние школы медицины различались в вариантах понимания общих натурфилософских принципов. Так, теория гуморов сопоставима с аюрведическим учением о трех элементах («тридхату») и трех ошибках («тридоши»), «есть много свидетельств распространенности теории гуморов в античном мире — от Греции через Ближний Восток до Юго-Восточной Азии» [Лысенко, 2015: 133]. Теория пульса античного медика Герофила [Афонасин, Афонасина, 2015] представляет собой попытку рационально осмыслить практику пульсовой диагностики, которой славились древние китайские мастера [Дубровин, 1991] (а возможно, и врачи иных азиатских регионов). Теория о пульсе была развита Галеном и вошла в средневековую практику.

Целительство и рациональная медицина

Гиппократ (460 до н.э. — между 377–356 до н.э.) — потомственный врач, по отцу принадлежал знатному роду, родоначальником которого был Асклепий, «по Гомеру, фессалийский владетель и необыкновенный врач, сыновья которого Махаон и Подалирий, принимавшие участие в троянской войне, также были искусными врачами» [Карпов, 1936: 13]. Во времена Аристотеля (384–322 до н.э.) Гиппократа называли «великим», а всех истинных врачей называли «ятрософистами». Смысл врачебной мудрости поясняется в работе «О благоприличном поведении» «Сборника Гиппократа». «Врач-философ равен богу... все, что ищется для мудрости, это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство» [Гиппократ, 1936: 111]. Как видно из текста, мудрость подразумевала высокую нравственность, знания, способность мыслить и действовать.

Согласно стандартной точке зрения, рациональная наука современного типа берет начало в античности. Период знания древних цивилизаций как Ближнего, так и Дальнего Востока принято квалифицировать как период преднауки. Я бы внесла уточнение: если принять во внимание волны когнитивной эволюции, то стоит различать период магии и знания на основе магического мировосприятия и период рациональной науки — ее зарождение в недрах античной интеллектуальной культуры. В древних цивилизациях знание было достоянием немногих посвященных — жрецов, сочетало в себе естественно-науч-

² См., например [Демин, 1987; Лысенко, 2009].



ные и сокровенные компоненты, если оценивать с современной точки зрения. Математика сочетала понимание числа в количественном и качественно-символическом аспектах (нумерология или аритмология), астрономия не отделялась от астрологии, технохимия как компонент входила в алхимические занятия, а врачевание составляло единство целительства и медицины (рационального знания и практики в современном понимании). С распространением алфавитного письма в первом тысячелетии до н.э. шли процессы демократизации знаний вместе с усилением рационального компонента. Язык и языковые способы смыслопорождения создавали новые возможности для формирования теоретического мышления [Веденова, 2009]. При этом имеется принципиальное отличие современного типа мышления от рассматриваемого периода: носитель знания гармонично сочетал в себе глубину личностного постижения (личностное знание, по терминологии М. Полани) и возможности универсального сознания в его рациональных языковых формах. Наиболее явно гармонию индивидуально-личного и универсально-человеческого можно проследить на примере врачевания, в котором трудно отделить науку и искусство, если вчитываться в тексты гиппократовского сборника и натурфилософские рефлексии Платона и Аристотеля.

Компонент целительства и стоящего за ним сокровенного знания в искусстве врачевания по мере набирания веса рациональной традиции отходил на второй план, а в науке Нового времени и вовсе был отброшен. В частности, в текстах «Сборника Гиппократов» принцип «сокровенного времени», согласно которому любое действие врача должно соотнобразовываться с космоприродными ритмами (астромедицинский аспект), сохранился в упрощенном понимании, например, явно относительно сезонов. В Средневековье еще сохранялось понимание зависимости поддержания здоровья и результатов проведения медицинских процедур от космоприродных ритмов (главным образом, от солнечно-лунных циклов), врачебная прогностика — ятроматематика — входила в состав обязательных дисциплин в университетах. Принципы ятроматематики озвучены и в древнерусских текстах традиции Галена и Гиппократов [Герасимова, Мильков, Симонов, 2015; Герасимова, 2015].

Обращу внимание на одну распространенную ошибку в понимании вивисекции, на примере которой можно пояснить разницу между естественно-научным и сокровенным восприятием врачебной практики. Рассмотрим текст из учебного пособия М.Б. Мирского: «Известно, что анатомические познания Гиппократов из-за запрета на вскрытие человеческих трупов базировались на аналогии с внутренним строением у животных (он, вероятно, как и его современники Эмпедокл и Демокрит, вскрывал животных)» [Мирский, 2010: 41]. Как сообщает Плиний, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон изучали магию [Фрагменты, 1989: 331]. Благодаря компаративистике приво-



дятся весомые аргументы относительно магического характера врачевания Эмпедокла [Егоров, 2007]. Вивисекция в магических практиках имела астропрогностический смысл: считалось, что при рождении и смерти живого существа на теле запечатлевается картина звездных, космоприродных сочетаний, распознавание которых имеет значение при определении симпатических связей микрокосма и макрокосма.

Проведение многих хирургических операций, равно как изучение анатомии, при современных технологиях не обязательно востребуют прямого вскрытия. В древнем врачевании сложные хирургические операции (типа трепанации черепа), иглоукалывание и иные процедуры существенно опираются на магическое искусство. В когнитивном аспекте целительство предполагает развитость интуитивного восприятия состояний пациента. Главное отличие врачебной диагностики времен Гиппократов от современной заключается в том, что в традиционной медицине усовершенствованные чувства врача, развитая способность профессиональной интуиции считались безошибочными инструментами познания. Дорефлексивное, первичное понимание может быть затем осознано рациональными способами, в которых приемы опытного и логического исследования дополняют друг друга. Тот факт, что профессиональное восприятие, опыт и теоретическое рассуждение взаимосвязаны в древних практиках врачевания, нашло отражение в понимании метода как безошибочного инструмента познания в трудах Платона.

Платон рассматривал знание (*episthμη*) и любое мастерство как безошибочное искусство (*τεχνη*): «Думаю, мы только в просторечье так выражаемся: “ошибся врач”, “ошибся мастер счета” или “учитель грамматики”. Я же полагаю, что если же он действительно тот, кем мы его называем, то он никогда не совершает ошибок. По точному смыслу слова, раз уж ты так любишь точность, никто из мастеров своего дела в этом деле не ошибается. Ведь ошибаются от нехватки знания, то есть от недостатка мастерства. Так что, будь он художник, или мудрец, или правитель, никто не ошибается, когда владеет своим мастерством...» [Платон, Государство. 1, 340 d–e]. Медицинская практика — это и наука (*episthμη*) и искусство (*τεχνη*), точнее скажем, мастерство. По мысли греческих мудрецов, в своем высшем выражении союз знания и практического мастерства призван гарантировать безошибочность действий и суждений. Понятие ремесла отражает степень несовершенства человека, не достигшего безошибочности и свободы в мыслях и действиях. Мастерство как искусность в значительной мере опирается на развитость интуитивного разума, отличного по своей природе от дискурсивного мышления. Согласно гиппократовой традиции, не каждый мог стать врачом, для этого нужны были природные данные, способность обучаться у природы, способность самообучаться. При этом в раскрытии заложенных природой талантов ведущую роль играет учитель и трансляция знания по личностному



каналу. Врач не может ошибаться, но каждый больной — индивидуальность и течение болезни может не идти по ранее известному пути, что же в таком случае служит гарантией безошибочности? Врачебная практика не исключала «кайрос» — благоприятный случай в исцелении, но даже благоприятный случай не должен для врача быть случайным приобретением. «Кто это знает, должен приступить к лечению, обращаясь прежде всего не к вероятному рассуждению, но к опыту, соединенному с разумом» [Гиппократ, 1936: 119]. Для врача развитые сенсорные инструменты диагностики (вкус, цвет, запах, форма и пр.) сочетались с рациональным изучением симптомов, причин болезней, ее хода, взаимодействия организма с лекарственными средствами. Представитель гиппократовой школы различает очевидные факты и отвлеченные рассуждения, которые он называет правдоподобными. На рациональном пути именно правильная взаимосвязь наблюдения и рассуждения ведет к истине. «Я, — поясняет врач гиппократовой школы, — вместе с тем хвалю и рассуждение, если только оно берет начало из случившегося обстоятельства и достигает вывода из явлений методическим путем» [Гиппократ, 1936: 119]. Целью познания мыслится истина, а не правдоподобие, понимаемое как спекулятивное рассуждение. Врач не может ошибаться, а безошибочность достигается сочетанием профессиональной интуиции, опыта и логики (метода).

Выражение Ньютона «Гипотез не измышляю» стало общим местом, но в свое время оно высказывалось Гиппократом в похожем смысле. Критерий знания врача — согласованность различных источников информации: профессиональные знания, наблюдение, тестирование, личный опыт, рассуждения и, кроме того не просто опрос пациента, но внимательное отношение к свидетельствам и показаниям простых людей (не профессионалов) и обобщение личных историй болезней. Хороший врач не только лечит тело, но и душу, ведь вера в исцеление — наиважнейший фактор выздоровления. «Но если кто не будет применяться к мнению простых людей и располагать таким способом слушателей, тот уклонится от настоящего пути. Вот почему медицина несколько не нуждается в гипотезе» [Гиппократ, 1936: 147]. Врачевание как искусство (целительство) имеет психологическую основу, а во врачевании как науке (медицине) имеет смысл искать естественно-научные основы познания.

Картина мира и теоретические схемы в гиппократовой медицине

Концептуальную роль во врачебной античной практике играло учение о стихиях как системообразующих элементах (схема уровня картины мира). Язык стихий можно рассматривать как один из пер-



вых классификационных языков. Латинское 'elementa' является семантическим производным от греческого 'στοιχεῖα', где στοιχοῦ — ряд. Уже в самом названии нашел отражение принцип формирования групп из простых начал — букв алфавита и элементов природы. Термин 'elementa' образован от 'эл-эм-эн' (рус. «абевега»). «Стихия» — старославянская транскрипция греческого термина множественного числа. Выстраивание алфавитов составляет языковую основу операции классификации. Под ней в самом общем виде понимается систематизация знаний, где «понятия означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах» [Субботин, 2001: 9].

В аспекте врачебных практик имела значение аристотелевская классификация стихий-первозлементов, согласно которой четырем стихиям сопоставлены их сущностные и сопряженные качества: земле — сухость (холодность), воде — холодность (влажность), воздуху — влажность (теплота), огню — теплота (сухость). Посредством сопряженного качества одна стихия перемешивалась с другой, порождая, таким образом, все многообразие вещей. Данная классификационная схема не плод изобретения Аристотеля, который скорее всего придал емкую формулировку одной из бытовавшей в его время медицинских схем. Саму классификацию стоит рассматривать как естественную классификацию, в ней нашла отражение идея жизненных циклов, к которой наблюдается обновленный интерес в современных хронобиологии и хрономедицине. Стихийной четверице соответствовали четыре сезона, четыре стороны света (и соответствующая роза ветров), четыре возраста в жизненном цикле, четыре конституции. Четверица задавала описание универсального периодического процесса с выделением фазы, противофазы и двух фазовых переходов. Примером могли служить фазы лунных циклов — новолуние, полнолуние и две четверти, а также солнечный год, разделенный на равноденствия и солнцестояния.

Классификационной стихийной схеме Аристотель придал метафизический (предельный) характер. Вполне объясним тот факт, что в логическом учении Аристотеля процедура наведения мыслилась как операция последовательного проведения родовидовых определений вплоть до коренных, родовых противоположностей — стихий (Физика. Кн. 1 (А). Гл. 5–6)³. В Средние века среди алхимиков пользовался популярностью квадрат противоположностей Аристотеля: четыре первоэлемента составляли один квадрат, четыре качества — другой квадрат, наложенный на первый. Отношения между элементами описывались в логических понятиях противоположности (contraria): в наиболее популярном варианте огонь противопоставлялся воде, а воздух — земле.

³ Здесь и далее ссылки даются по изданию: [Аристотель, 1975; Аристотель, 1978; Аристотель, 1981].



Сочетание качеств по диагонали описывалось в терминах комбинации невозможного, а по сторонам квадрата — в терминах возможного.

Во врачебной практике стихии-первозлементы задавали свойства конкретных вещей: классификация растений, лекарственных средств, индивидуальной конституции, динамики сезонов, типов жидкостей проводилась по стихиям. Аристотель, систематизировавший учения древних, иногда дает механистически-пространственную интерпретацию и стихиям, и мельчайшим гомеомериям и атомам, что вполне объяснимо с точки зрения стереотипов восприятия (Аристотель. О небе. 302 а 28). В последующей истории науки онтологическое понимание простых элементов привело к путанице и заблуждениям. Стихии можно назвать первозлементами метауровня, это системообразующие элементы, объединяющие материальное и психодуховное начала мироздания. Стихийный принцип организации материи, по мысли древних, обеспечивает универсальную связь всего со всем, космическое единство мироздания по всем его сферам, разрозненные элементы собираются Логосом по принципу сродства по стихиям.

В одном из произведений в «Сборнике Гиппократ» автор предостерегает от действий по шаблону, упрощенному пониманию теоретической схемы, которая есть всего лишь навигатор, но не прямое указание для вывода и действия. Он обращается к тем, «которые на основании нового метода ищут искусства, исходя из гипотезы... предлагая помогать теплом через холодное, холодному посредством теплого, сухому посредством влажного и влажному через сухое» [Гиппократ, 1936: 155]. Принцип лечения противоположного противоположным не стоит понимать примитивно, ведь в еде и лекарствах все стихийные элементы перемешаны, при манипуляциях с пищей, скажем при нагревании, стихийные качества веществ меняются. Стоит различать качества самих по себе веществ и их качества в новом образовании. То же замечание касается и качеств, определяемых с помощью вкуса и других чувств: «Есть в человеке и горькое, и соленое, и сладкое, и кислое, и жесткое, и мягкое, и многое другое в бесконечном количестве, разнообразное по свойствам, количеству и силе» [Гиппократ, 1936: 157]. Страдания от прямой перемены холодного на теплое автор демонстрирует на примере тех, кто отморозил ноги или руки на холоде, а затем в теплом месте укрылся одеждой, страдая от жары и зуда. Неоправданный контраст вреден, необходимо вдумчивое исследование сложной стихийной динамики состояний организма в конкретной ситуации. В ходе дальнейшего развития рационального метода в Средние века были выработаны более детальные классификационные схемы, учитывающие смешение элементов, степени их качеств, многообразие чувственных анализаторов (особенно многообразие вкусов)⁴.

⁴ См., например: [Амасиаци, 1990].



В динамическом отношении смена сезонов влекла за собой перераспределение элементов в природе и в человеческом теле. «Вследствие перемен года, — пишет Гиппократ, — они то увеличиваются, то уменьшаются: каждый в своей пропорции и сообразно природе» [Гиппократ, 1936: 202]. Прогностика сезонных заболеваний выстраивалась с учетом сезонной динамики и трансформаций в четырех жидкостях, отсюда вывод: «Врачу надлежит лечить болезни, обращая внимание на каждый из тех элементов, который преобладает в теле, сообразно с временем года, наиболее соответствующим его природе» [Гиппократ, 1936: 203].

Вошедшие в теоретическую схему обобщения эмпирического характера касались условий конкретной местности: розы ветров, качества вод, расположения города по отношению к солнцу и природному магнетизму (север–юг, восток–запад), качества земли («О воздухах, водах и местностях»). Далее шли теоретические схемы типичных заболеваний и эпидемий в конкретных условиях местности. На уровне человека учитывались психотипы (темпераменты) личностей, в основе классификации которых опять-таки лежит принцип стихий. Значительный корпус теоретических схем составляли эмпирические обобщения корреляции симптомов и заболеваний, описания синдромов, методов диагностики, прогностики, методов лечения и пр. Теоретические схемы позволяли составить абстрактную модель диагноза, конкретная модель вырабатывалась в ходе диагностики конкретного пациента и анализа конкретных обстоятельств (путь чувственного восприятия, индукции, аналогии, гипотезы), а также сопоставления с абстрактной моделью.

Развитие языковых форм рефлексии отражалось и во врачебных текстах. В работе «О природе человека» врач гиппократовой школы доказывает несостоятельность мнения о том, что человек есть единое или что природа его тела подчинена единому началу. Поддерживая традицию гуморальной медицины, ятрософист выделяет четыре жидкости — кровь, слизь и желчь, желтую и черную, которые распределяются по стихийному элементу и из которых состоит природа тела — воздух, вода, огонь и земля (соответственно). «Тело бывает здоровым наиболее тогда, когда эти части соблюдают соразмерность во взаимном смешении в отношении силы и количества и когда они наилучше перемешаны», в противном случае тело болеет [Гиппократ, 1936: 199].

В доказательстве тезиса о множественности стихийных природ человека автор приводит аргументы от языка и от общественного установления, ссылаясь на то, что «имена их по установленному обычаю различны и что ни одному из них не дано одного и того же имени; затем что по природе виды их различны и ни слизь никоем образом не похожа на кровь, ни кровь на желчь, ни желчь на слизь, ибо какое может быть естественное сходство их между собой, когда они не представляются похожими ни по цвету для глаза, ни по осязанию для ру-



ки, когда они не бывают сходны ни в отношении тепла, ни холода, ни сухости, ни влажности?... каждое из них имеет собственную свою силу и природу» [Гиппократ, 1936: 199–200].

Различие природ жидкостей подтверждает действие соответствующих лекарств. Подразумевается, что лекарства действуют по типу средств. Например, очистительное лекарство «прежде всего извлекает все то, что ему из всех элементов, существующих в теле, наиболее сродно по природе, а затем уже извлекает и очищает все остальное» [Гиппократ, 1936: 201]. Все элементы постоянно содержатся в теле человека, но увеличиваются или уменьшаются в соответствии с сезонной динамикой, что также можно наблюдать в жизни. Ссылка на акты именования, установленные традицией, предполагала развитость языковой рефлексии и действенность доводов такого типа.

Понимание индукции и правдоподобия Аристотелем

В становлении рациональной методологии врачи-философы и основатель логической науки преследовали разные цели. Центральной проблемой для Аристотеля был вопрос о возможностях языка в постижении и выражении сущего. Стагирит отдавал предпочтение необходимому знанию, добываемому посредством языка, отсюда учение об ассерторических и аподиктических силлогизмах наиболее развито. Учение о рассуждениях на основе мнения в корпусе «Органона» относится к диалектике. Правдоподобные рассуждения, основанные на вероятностном мнении, также могут быть исследованы научным методом. В «Топике» Аристотель формулирует основные приемы и правила корректных правдоподобных рассуждений. В отличие от эристики, целью которой служит спор сам по себе, в диалектических беседах «рассуждают не ради спора, а ради приобретения навыка или исследования истины» [Топика. Кн. 8. Гл. 5. 159а, 30].

Аристотель выявляет тонкие детали теории определения, классифицирует ошибки процедуры определения. В его текстах имеется много примеров из врачебной практики. Например, античный логик предупреждает быть внимательным к тавтологиям в определениях, если одно понятие предполагает другое, то излишнее стоит исключить. В ряде случаев некорректно прибавляют к общему и частное. Пример Аристотеля: «Если врачебное искусство определяют как знание о том, что полезно для здоровья живого существа и человека» [Топика. Кн. 6. Гл. 3. 141а, 15], делают ошибку указанного типа, ведь родовое понятие живого существа включает как вид понятие человека.

Аристотель развивает довольно стройное учение о противоположностях, которое последовательно применяет в трудах метафизического, естественно-научного, этического и политического содержа-



ния. В «Категориях» Стагирит проводит тонкие различия между «соотнесенным», «противоположным», «противоречивым». Соотнесенное мыслится как то, что оно есть в связи с другим [Категории. 7. 6а 35]. Среди соотнесенного могут быть части целого, например «крыло птицы» (предметная функция), парные понятия в системе, например «элемент и множество», свойства, образованные от отношения («быть больше Петра»). Противоположное отличается от соотнесенного, противоположности предполагают нечто среднее. На современном языке их можно определить как крайние проявления линейного свойства, обладающего интенсивностью. Как правило, противоположности переходят друг в друга. Пары противоположностей, которые способны переходить друг в друга, Аристотель называет родовыми (т.е. линейное свойство задает род) [Физика. Кн. 1. 5. 188а 35]. Аристотель различает особый вид противоположностей (enantia), который он назовет противоречием (antiphasis). Между противоречивыми началами нет ничего среднего [Категории. 10, 12а].

Аристотель считает, что нет ничего среднего между здоровьем и болезнью (эмпирические утверждения), между четным числом и нечетным числом (математические утверждения). В отношении применения закона противоречия классической логики стоит иметь в виду позицию самого мыслителя. В его учении закон противоречия распространяется на бытие в действительности, но ограничен в отношении бытия в возможности (Метафизика. Кн. 4. 4, 1009 30–35). Понятие противоречия у Аристотеля используется в контексте речи, тогда как родо-видовые противоположности мыслятся как конститuenty бытия [Герасимова, 2010: 47–61]. Можно предположить, что состояние «нездоровья» мыслитель отнес бы к становлению процесса. Состояние середины как меры в динамике противоположностей у Аристотеля осмысляется в разных аспектах — онтологическом, логическом, этическом, политическом. Середина в отношении вещей и в отношении людей отличается, ведь каждый человек уникален: «Серединую же по отношению к нам называю, — пишет Аристотель, — то, что не избыточно и не недостаточно, но такая середина не одна и не одинакова для всех» [Никомахова этика. Кн 1. 1106а 25–30].

Принцип релятивности знания имел практическое выражение во врачебном искусстве. Индивидуальный подход к пациенту был принципом гиппократовой школы, отсюда важной задачей становилось выявление, описание и объяснение конкретной ситуации и истории болезни, а не общего. Мера как принцип восстановления равновесия соразмерялась с индивидуальными особенностями человека. В текстах Гиппократов приводится множество примеров нарушения меры в питании и образе жизни и необходимости рекомендаций, в соответствии с личностными особенностями пациента. «Все причины страдания, — пишет Гиппократ, сводятся к одному и тому же: самое силь-



ное больше и очевиднее всего вредит человеку как здоровому, так и больному» [Гиппократ, 1936: 150]. Например, в большинстве случаев для нуждающихся в более легкой пище изобрели похлебки, но некоторым людям они не приносят пользы: «принятое питает и увеличивает болезни, разрушает и ослабляет тело» [Гиппократ, 1936: 150]. Из сказанного опять-таки не следует, что более сильные вещества вредны, а более слабые нет, что очевидно на примере города, влияние которого ослабляет природу человека. «Поэтому нужно искать какую-нибудь меру. Меры же этой, ни веса, ни числа какого-либо, соображаясь с которым можно было бы узнать точно, ты не найдешь иной, кроме ощущений. Поэтому дело заключается в том, чтобы изучить эту меру настолько точно, чтобы ошибаться лишь немного в ту или другую сторону. И я сильно хвалил бы того врача, который в этом случае мало ошибается» [Гиппократ, 1936: 152]. В определении меры в тонкой подстройке организма пациента, как видно, требуются не только знание и наблюдательность врача, но и его искусство как развитое чувство меры, что сродни художественному чувству вкуса и прекрасного.

В аристотелевской «Топике» правдоподобное определяется как то, что представляется правильным большинству или мудрым (аргументы от общественного установления или традиции). Если силлогизм используется преимущественно в спорах, то другой способ — наведение (индукция) предназначен для восхождения от чувственно воспринимаемого единичного к абстрактному общему. Аристотель приводит простой пример перечислительной индукции: «если кормчий, хорошо знающий свое дело, — лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, — лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший» (Топика. Гл.12. 105a 10–15). Стагирит методически раскрывает пути движения мысли при помощи наведения: «В одних случаях пользующийся наведением может прийти к общему, задавая вопросы, в других это нелегко, потому что не у всего сходного общее имя» (Топика. Гл.2, 157a, 20). В поисках общего сначала выделяют сходные случаи, затем детально изучают выделенные случаи, отбирая не подпадающие под общее правило. В поиске примеров подпадающих под общее определение Аристотель советует внимательно относиться к именам, одноименность и многозначность могут вводить в заблуждение.

Умозаключения от признака и буддийская логическая программа

Формирование рациональной методологии во врачебной практике задавалось не столько универсально-языковыми установками теоретического мышления, а скорее натуралистическими установками



конкретно-эмпирических задач. Установка на безошибочность метода в конкретных условиях востребовала иные методологические принципы, которые негласно принимались в античной медицине, но в форме рефлексивной методологии были осознаны в индийской и буддийской логике, неразрывно связанными с врачебными практиками в восточных школах. Центральным в практической логике становятся так называемые «умозаключения от признака», статус заключений в которых напрямую зависит от умения домысливать целое по выделенным признакам.

В работе «О софистических опровержениях» Аристотель исследует причины паралогизмов — мнимых опровержений. Представляет интерес класс паралогизмов, которые Стагирит относит к опровержениям от следования: если есть следование, то это не значит, что имеется обратная связь. Другими словами, идет смешение условной связи (выраженной через импликацию) с эквивалентностью. Из истинности «если A , то B », еще не следует «если B , то A ». Дается пример из врачебной практики: «Если у больного лихорадкой жар, не следует, что все, у кого жар, болеют лихорадкой» [О софистических опровержениях. Гл. 5. 167b 15]. Аристотель поясняет сказанное на примере широко распространенных в красноречии «доказательств от признака», которые основаны на следовании. Приводится пример из повседневной жизни: желая доказать, «что кто-то есть прелюбодей, делают этот вывод из того, что он щеголь или что его видели шатающимся ночью». Здесь признаков для заключения явно недостаточно, следование не необходимо.

Выделение признаков, которые играли роль ключа в понимании сути вещей, — древнейшая логическая операция, как в обыденном познании, так и в развитых рациональных практиках. Она основана на систематическом наблюдении за природой и эмпирических обобщениях (не отсюда ли понимание индукции как «наведения»?). Важнейшую роль в сельскохозяйственной деятельности играли приметы и знамения, когда по характерным признакам судили об изменениях погоды, вели измерение времени («звездные часы»), распознавали изменения в ритмах природы и прогнозировали состояния организма. По характерным признакам судили о состоянии и направлении изменений целого. Например, указание на грядущие перемены давали «живые приборы» — растения, насекомые, рыбы, животные. В логико-методологическом аспекте можно говорить о прагматическом следовании в контекстах типа «Медузы приближаются к берегу, значит, будет шторм». Изменения в среде, зафиксированные анализаторами медуз, служат основанием для прогностики дальнейшего хода событий. Как установлено биологами, в воде медузы принимают акустические инфразвуковые сигналы примерно за 20 часов до того, как шторм дойдет до места их обитания [Симаков, 2003: 41]. Состояния расте-



ний подсказывало, когда проводить сельскохозяйственные работы. «Появились подснежники — пора начинать пахоту. Зацвела осина — вели ранний сев моркови. Душистые цветки белой черемухи говорят о наступлении времени посадки картофеля» [Симаков, 2003: 48].

Умозаключения от признака в профессиональной деятельности врача являются чуть ли не основными. В монографии «Логика и клиническая диагностика» [Смирнов, 1994] различают четыре уровня диагностики, на каждом уровне диагностики имеются различные этапы, которые сопряжены с логическими операциями. На первом симптоматологическом уровне диагностики устанавливается состояние здоровья и определяется анатомическая локализация болезни. Это уровень самого первого осмотра и знакомства с пациентом, на его первом этапе — первичном осмотре — первостепенную роль играет чувственное восприятие, приемы аналогии и индукции. На втором этапе — установлении анатомической локализации болезни — приоритет отдается аналогии, чувственному восприятию и индукции. На втором синдромологическом уровне формулируются клинические синдромы — интегративные качества симптомов, которые мыслятся как целостные образы. Выделяется ведущий синдром, определяется характер общепатологического процесса. К ведущим логическим операциям второго уровня диагностики относят индукцию, дедукцию, гипотезу.

На последующем уровне диагностического познания — установлении абстрактного нозологического диагноза в логических операциях приоритет переходит к дедукции и гипотезе, но на завершающем уровне — установлении конкретного клинического диагноза — вновь востребована индукция, в результате достигается мысленно-конкретное представление. Данная классификация достаточно условна, тем не менее дает представление о постоянных переходах от наблюдения (чувственного восприятия) и опытного знания к рассуждению индуктивного и дедуктивного типа и обратно, пока окончательно не сформируется диагноз. В части 3 указанной монографии, написанной В.А. Смирновым, рассматриваются различные логико-методологические модели диагноза, в том числе предлагаются способы выражения индуктивных рассуждений на языке дедуктивной логики.

Выделение так называемых симпатических признаков — сигнатуры качеств, указывающих на космоприродные, стихийные соответствия, составляло основу семиотики древней медицины [Герасимова, 2015]. Если симпатические признаки рассматривались как глубинные показатели, то найденные опытным путем характерные признаки можно отнести к уровню видимой (поверхностной) диагностики.

Теоретические схемы уровня симптомов и синдромов описаны во многих сочинениях школы Гиппократов, в частности в общем виде в «Прогностике», «О диете при острых заболеваниях», «О внутрен-



них страданиях», в «Афоризмах» [Гиппократ, 1936]. В указанных сочинениях мы находим обороты с условной связкой «если ... то», которая выполняет многочисленные функции: связывает языковыми средствами симптомы (признаки) и заболевания, причины и следствия, указывает на возможный ход болезни, на возможные исходы воздействий (приема лекарств и пр.), на то, что полезно, бесполезно или вредно при данных условиях и пр.

Приведем ряд примеров. В качестве теоретической схемы, полученной индуктивным путем, можно рассматривать следующий афоризм, отражающий возможности диеты в разных возрастных категориях: «Старики весьма легко переносят пост; во вторую очередь — люди взрослые, труднее — дети, и из этих последних — те, которые отличаются большой живостью» [Гиппократ, 1936: 697]. Многовековые наблюдения получают объяснение в концептуальной схеме (путь дедукции): «Дети, которые еще растут, имеют весьма много врожденной теплоты и поэтому нуждаются в весьма обильной пище; в противном случае тело их истощается. Но у стариков остается мало теплоты; поэтому они довольствуются малым питанием, ибо от избытка последнего теплота легко бы исчезла. Через это самое лихорадки у стариков не так остры, ибо тело у них холодное» [Гиппократ, 1936: 697]. Под внутренней теплотой в традиционной медицине понимают модификации стихии огня (изначальной энергии), дающей и поддерживающей жизнь тела. Огонь-теплота в детском возрасте отвечает за рост тела, а во взрослом возрасте — за поддержание жизненных процессов тела. К старости стихия огня доминирует в процессах психического характера (творчество, мудрость), но деятельность стихии огня угасает в жизни стареющего тела.

Пример умозаключения от признака: «Те, у которых нос по природе слишком влажен, и семя более жидкое, — более слабого здоровья, а у кого противоположное — более крепкого здоровья» [Гиппократ, 1936: 695]. «Если у кого будет поранен мозг, у этих по необходимости наступает лихорадка и рвота желчью» [Афоризмы, 6. 50], «У одержимого икотой появление чихания прекращает икоту» [Гиппократ, 1936: 697].

Пример симптома как знаковой ситуации: «Если в какой-либо болезни сон производит страдание, болезнь — смертельна; если же сон облегчает страдание — она не смертельна. Когда сон успокаивает бред, это хорошо. Сон и бессонница, то и другое сверх меры проявляющиеся, — худой знак» [Гиппократ, 1936: 695].

В XIX в. Чарльз Пирс разработал разветвленную классификацию знаков, среди которых весомое место было отведено знакам-индексам. Индекс он интерпретировал как «знак, отсылающий к объекту, который он обозначает в силу того, что он действительно подвергается воздействию этого Объекта» [Пирс, 2000: 2.248]. Исторически



впервые значение индексов в познании было осознано и закреплено в методологии буддийской логики (индийской логики в целом), которая входила в образование тибетских врачей.

Мастерство врача проявлялось в способности находить диагностические признаки, которые устанавливают необходимую связь между признаком и распознаванием состояния больного. «Понятие неразрывной связи, — пишет Жамбалдагбаев, — является по существу центральным для буддийской логики и тем самым во многом определяет специфику этой логики» [Жамбалдагмаев, 1998: 163]. Неразрывность связи между логическим признаком (основанием вывода) и объектом вывода предполагает выполнение трех условий — (1) должно быть указано наличие или отсутствие отношения присущности между основанием вывода и выводимым («огонь всегда предполагает дым»); (2) логическое основание всегда должно присутствовать в случаях, «подобных выводимому»; (3) основание вывода должно отсутствовать в случаях «не подобных выводимому» [Лысенко, Канаева, 2014: 103]. Жамбалдагбаев обращает внимание на тот факт, что в основополагающем трактате тибетской медицины «Чжуд-ши» логика как таковая в явном виде не упоминается [Жамбалдагмаев, 1998: 163], однако каноническая для всей индийской логики связь «дым — огонь» упоминается как указание на логический эталон любого рассуждения данного типа. Так, фраза из 24 главы II части трактата имеет смысл:

«Как до дыму огонь,
Так по признакам распознавай болезни».

Распознавание сути явлений жизненного окружения по характеристическим признакам или знакам-индексам составляет основу жизненного опыта человека, нельзя не согласиться с Пирсом в их оценке: «[Индекс] это — знак, или репрезентация, которая отсылает к своему объекту не столько в силу сходства или аналогии с ним; или потому, что он ассоциируется с общими свойствами, которыми этот объект обладает, сколько потому, что он состоит в динамической (включая и пространственную) связи как с индивидуальным объектом, с одной стороны, так и с чувствами или памятью человека, для которого он служит знаком, — с другой. Ни одно фактическое положение дел не может быть установлено без применения знака, служащего индексом» [Пирс, 2000: 2.305]. Не только практическая медицина, но и все опытное естествознание работает со знаками-индексами. В процедурах диагностики, анализа, прогностики, проектно-конструктивной деятельности имеет значение выделение как типических (отражающих общее и универсальное), так и индивидуалистических признаков (отражающих частное и конкретное).



Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно изучения истории медицины и будущих перспектив биомедицинских практик. Есть соблазн искать в истории то, чего там нет и не могло быть. Согласимся с оценкой историка науки А.Н. Медведя, который обращает внимание на тот факт, что в распространенных учебниках истории медицины не различаются целительство и рациональная медицина [Медведь, 2013; Медведь, 2014], и, как следствие, там, где правомерен культурно-антропологический, социокультурный и психологический анализ, ищут естественно-научные основания. В исследованиях древней медицины, в том числе и гиппократовой школы, преобладают естественно-научные фильтры современной технологичной медицины, не воспринимается культурно-семиотическая система стихийных соответствий. Наиболее опасной тенденцией видится умаление, а то вовсе исключение личностного начала из медицинской практики. Более перспективным представляется выявление новых форм союза искусства (мастерства) и науки в таком древнейшем занятии, как врачевание [Герасимова, 2014].

Библиографический список

- Амасиаци, 1990 — *Амирдовлат Амасиаци*. Ненужное для неучей : Научное наследство. Т. 13 : пер. с армянского, комм. С.А. Варданян. М. : Наука. 1990. 880 с.
- Аристотель, 1975 — *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1 ; под ред. В.Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1975. 550 с.
- Аристотель, 1978 — *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 2. ; под ред. З.Н. Микеладзе. М. : Мысль, 1978. 687 с.
- Аристотель, 1981 — *Аристотель* Соч. В 4 т. Т. 3. ; вступ. ст. и прим. И.Д. Рожанского. М. : Мысль, 1981. 613 с.
- Афонасин, 2015 — *Афонасин Е.В.* Гален «О толках для начинающих» // СХОЛН, 2015. Vol. 9.1. P. 56–58.
- Афонасин, Афонасина, 2015 — *Афонасин Е.В., Афонасина А.С.* Герофил о пульсе // СХОЛН, 2015. Vol. 9.1. №. 93–104.
- Веденова, 2009 — *Веденова Е.Г.* Граница, континуум и число // Число : отв. ред. А.А. Кричевец. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 79–81.
- Верлинский, 1987 — *Верлинский А.Л.* Медицинские аналогии и проблема практического применения знания у Платона и Аристотеля // Некоторые проблемы истории античной науки. Л. : ИИЕТ, Главная астрономическая обсерватория, 1987. С. 90–111.
- Гален*. О толках для начинающих // СХОЛН, 2015. Vol. 9.1. С. 59–72.
- Герасимова, 2010 — *Герасимова И.А.* Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик. М. : Альфа-М, 2010. 304 с.
- Герасимова, 2014 — *Герасимова И.А.* Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки // Эпистемология и философия науки. 2014. № 2. С. 5–18.
- Герасимова, 2015 — *Герасимова И.А.* «Галеново на Гиппократе» в контексте астромедицины // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 51–60.



Герасимова, Мильков, Симонов, 2015 — Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси // Памятники древнерусской мысли: исследования и публикации. Вып. VIII. М. : КНОРУС, 2015. 680 с.

Гиппократ, 1936 — *Гиппократ*. Избранные книги : пер. с греч. В.И. Руднева ; ред., вступ. статьи и примечания В.П. Карпова. М. : Гос. изд. биологической и медицинской литературы, 1936. 736 с.

Гиппократ, 2009 — *Гиппократ*. Афоризмы : пер. с греч. В.И. Руднева ; ред., вступ. статьи и примечания В.П. Карпова. М. : ЭКСМО, 2009. 400 с.

Демин, 1987 — Демин Р.Н. Астрономические представления в Гиппократовом корпусе // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1987. С. 47–56.

Дубровин, 1991 — Дубровин Д.А. Трудные вопросы классической китайской медицины. Л. : Аста-пресс, 1991. 227 с.

Егоров, 2007 — Егоров А.С. Эмпедокл и проблема греческого шаманизма // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 97–105.

Жамбалдагмаев, 1998 — Жамбалдагмаев Н.Ц. Буддийская логика и диагностика в тибетской медицине // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН, 1997. М. : ИФРАН, 1998. С. 163–169.

Карпов, 1936 — Карпов В.В. Гиппократ и Гиппократов сборник // Гиппократ. Избранные книги. М. : Гос. изд. биологической и медицинской литературы, 1936. С. 9–81.

Лысенко, 2009 — Лысенко В.Г. Аюрведа // Индийская философия. Энциклопедия. М. : Вост. лит. : Академический проект: Гаудеамус, 2009. 950 с.

Лысенко, Канаева, 2014 — Лысенко В.Г., Канаева Н.А. Шантаракшита и Камалашила об инструментах достоверного познания. М. : ИФРАН, 2014. 295 с.

Медведь, 2013 — Медведь А.Н. Древнерусское врачевание: современное состояние, исследования и библиография. М. : МБА, 2013. 84 с.

Медведь, 2014 — Медведь А.Н. Антропология болезни в Древней Руси (X–XVII вв.). Очерки истории. М. : МБА, 2013. 232 с.

Мирский, 2010 — Мирский М.Б. История медицины и хирургии : учебное пособие для студентов высш. проф. обр. М. : ГЭОТАР-Медиа. 2010. 528 с.

Пирс, 2000 — Пирс Ч. Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. 448 с.

Симаков, 2003 — Симаков Ю.Г. Животные анализируют мир. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 224 с.

Смирнов, 1994 — Смирнов В.А., Анисов А.М., Арутюнов Г.П., Дмитриев Д.В., Мелентьев А.С., Михайлов Ф.Т. Логика и клиническая диагностика. Теоретические основы. М. : Наука. 1994. 297 с.

Солопова, 2012 — Солопова М.А. *Vita brevis*: к толкованию первого афоризма Гиппократа // Философский журнал. 2012. № 1(8). С. 5–25.

Субботин, 2001 — Субботин А.Л. Классификация. М. : ИФРАН, 2001. 94 с. Фрагменты ранних греческих философов : отв. ред. И.Д. Рожанский, ред. А.В. Лебедев. Ч. I. М. : Наука, 1989. 576 с.

Rickless — Rickless S.C. Socrates' Theory of Definition. — <http://philosophyfaculty.ucsd.edu/faculty/rickless/Phil100/Phil100-Socratic Definition.htm>

References

Àmasiatsi A. *Unnecessary for ignoramuses: scientific inheritance* [Не-нужное для неучей: Научное наследство], vol. 13, transl. by S.A. Vardanyan. Moscow: Nauka, 1990. 880 p.



Aristotle. *Collected works in 4 volumes*. Vol. 1, ed. by V.F. Åsmus. Moscow: Mysl', 1975. 550 p.

Aristotle. *Collected works in 4 volumes*. Vol. 2, ed. by Z.N. Mikeladze. Moscow: Mysl', 1978. 687 p.

Aristotle. *Collected works in 4 volumes*. Vol. 3, intr. by I.D. Rozhansky. Moscow: Mysl', 1981. 613 p.

Afonasin E.V. Galen "On rumors for beginners" [Galen «O tolkach dlya nachinayushhikh»]. ΣΧΟΛΗ. 2015. Vol. 9.1, pp. 56–58.

Afonasin E.V., Afonagina A.S. Herophilus on pulse [Gerofil o pul'se]. ΣΧΟΛΗ. 2015. Vol. 9, pp. 93–104.

Vedenova E.G. Border, the continuum, the number [Granitsa, kontinuum i chislo]. In: *The number – Chislo*. Ed. by A.A. Krichevets. Moscow: MAKSS Press. 2009, pp. 79–81.

Verlinskij Ä.L. Medical Analogies and the problem of practical applying of Plato and Aristotel knowledge [Meditsinskie analogii i problema prakticheskogo primeneniya znaniya u Platona i Aristotelya]. In: *Some problems of the history of ancient science — Nekotorye problemy istorii antichnoj nauki*. Leningrad: IIET, Glavnaya astronomicheskaya observatoriya. 1987, pp. 90–111.

Galen. On rumors for beginners [O tolkach dlya nachinayushhikh]. ΣΧΟΛΗ. 2015. Vol. 9.1, pp. 59–72.

Gerasimova I.A. *The unity of plurality (epistemological analysis of cultural practices)* [Edinstvo mnozhestvennogo (ehpistemologicheskij analiz kul'turnykh praktik)]. Moscow: Al'fa-M, 2010. 304 p.

Gerasimova I.A. Biomedical technologies as a problem of history and philosophy of science [Biomeditsinskie tekhnologii kak problema istorii i filosofii nauki]. *Epistemology and philosophy of science*, 2014, no.2, pp. 5–18.

Gerasimova I.A. Galenovo on Hippocrates in the context of astromedicine [«Galenovo na Gippokrata» v kontekste astromeditsiny]. *Problems of philosophy — Voprosy filosofii*, 2015, no.1, pp. 51–60.

Gerasimova I.A., Mil'kov V.V., Simonov R.A. Sacred knowledge of Old Russia [Sokrovennyye znaniya Drevnej Rusi]. In: *The thought in Old Russia — Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i publikatsii*, vol. VIII. Moscow: KNORUS, 2015. 680 p.

Hippocrates. *Selected books*. Transl. by V.I. Rudnev. Moscow: Gos. izd. biologicheskoy i meditsinskoj literatury, 1936. 736 p.

Hippocrates. *Aphorisms* [Aforizmy]. Transl. by V.I. Rudnev, V.P. Karpov. Moscow: EHKSMO. 2009. 400 p.

Demin R.N. Astronomical ideas in the corpus of Hippocrates [Astronomicheskie predstavleniya v Gippokratovom korpuse]. *Some problems of the ancient science — Nekotorye problemy istorii antichnoj nauki*. Leningrad, 1987, pp. 47–56.

Dubrovin D.A. *Hard problems of the classical Chinese medicine* [Trudnye voprosy klassicheskoy kitajskoj meditsiny]. Leningrad: Asta-press, 1991. 227 p.

Egorov A.S. Empedocles and the problem of the Greek shamanism [Empedokl i problema grecheskogo shamanizma]. *Problems of philosophy — Voprosy filosofii*, 2007, no. 8, pp. 97–105.

Zhambaldagmaev N.T. Buddhist logic and the diagnostics in the Tibetan medicine [Buddijskaya logika i diagnostika v tibetskoj meditsine]. *Papers of the scientific seminar of the Centre of Logic of the Institute of philosophy, RAS — Trudy nauchno-issledovatel'skogo seminar Logicheskogo tsentra Instituta filosofii RAN*, 1997. Moscow: IFRAN, 1998, pp. 163–169.

Pierce Ch. *Selected philosophical papers* [Izbrannye filosofskie proizvedeniya]. Moscow: Logos, 2000. 448 p.



V.A. Smirnov, A.M. Anisov, G.P. Arutyunov, D.V. Dmitriev, A.S. Melent'ev, F.T. Mikhajlov. *Logic and the clinical diagnostics. The theoretical basics* [Logika i klinicheskaya diagnostika. Teoreticheskie osnovy]. Moscow: Nauka, 1994. 297 p.

Karpov V.V. Hippocrates and the Hipocrates collection [Gippokrat i Gippokratov sbornik]. In: *Hippocrates. Selected books — Gippokrat. Izbrannye knigi*. Moscow: Gos. izd. biologicheskoy i meditsinskoj literatury, 1936, pp. 9–81.

Lysenko V.G. Ayurveda. In *Indian philosophy. Encyclopedia — Indijskaya filozofiya. Entsiklopediya*. Moscow: Vost. Lit.; Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2009. 950 p.

Lysenko V.G., Kanaeva N.A. *Shantarakshita and Kamalashila on instruments of the reliable knowledge* [Shantarakshita i Kamalashila ob instrumentakh dostovernogo poznaniya]. Moscow: IFRAN, 2014. 295 p.

Medved A.N. Healing art in Old Russia: the modern state, researches and bibliography [Drevnerusskoe vrachevanie: sovremennoe sostoyanie, issle-dovaniya i bibliografiya]. Moscow: OOO Izdatel'stvo MBA, 2013. 84 p.

Medved A.N. An antropology of the disease in Old Russia (X—XVII c.) [Antropologiya bolezni v Drevnej Rusi (X—XVII vv.). Ocherki istorii]. Moscow: Izdatel'stvo MBA, 2013. 232 p.

Mirsky M.B. The history of medicine and surgery for students [Istoriya meditsiny i khirurgii : uchebnoe posobie dlya studentov vyssh. prof. obr.] Moscow: GEHOTAR-Media, 2010. 528 p.

Simakov Yu.G. Animals analyzing the world [Zhivotnye analiziruyut mir]. Moscow: RIPOK KLASSIK, 2003. 224 p.

Solopova M.A. Vita brevis: to the interpretation of the Hippocrate's first aphorism [Vita brevis: k tolkovaniyu pervogo aforizma Gippokrata]. *Journal of philosophy — Filosofskij zhurnal*, 2012, ¹ 1, pp. 5–25.

Subbotin A.L. *Classification* [Klassifikatsiya]. Moscow: IFRAN, 2001. 94 p.

Fragments of the ancient Greek philosophers [Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov], ed. by A.V. Lebedev. Vol. I. Moscow: Nauka, 1989. 576 p.

Rickless S. *Socrates' Theory of Defintion*. Available at: <http://philosophyfaculty.ucsd.edu/faculty/rickless/Phil100/Phil100-Socratic Definition.htm> (accessed 21.02.2016).